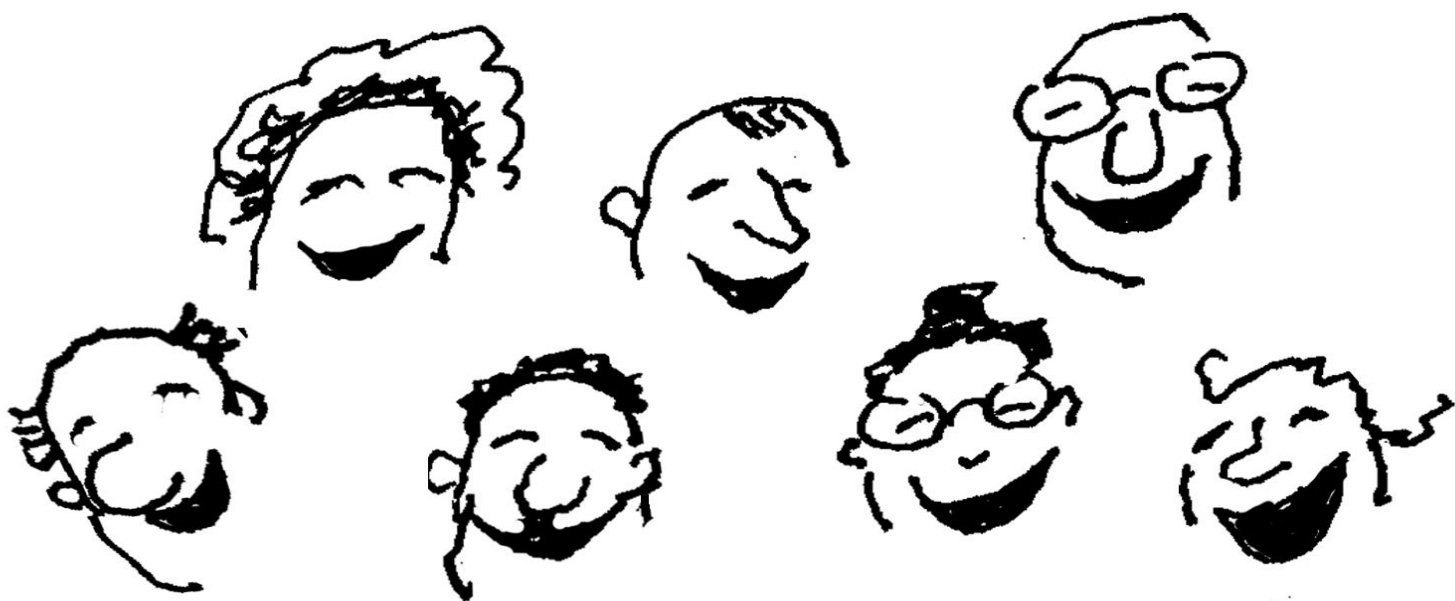

СМЕШНОЕ СЛУШАЙ

Семен Грила

Смешной случай

Искажение траектории жизни. Такая нелепость: вот жил человек, жил, а потом внешние обстоятельства – ба-бах – и стали драматично так меняться.

Как-то там Ахматова писала про русло реки, которое вдруг изменилось от внешних причин. Ну, я не поэт, не помню, как там точно она выразилась на поэтическом. Вот я и смотрю из окна во двор на меняющийся пейзаж окружающих и кружащих. Неприятное, а главное – тревожащее и даже раздражающее чувство охватывает от этих просмотров. Особенно когда год за годом в одну сторону.

Люди. Одни замыкаются, другие исчезают, третьи не замыкаются и не исчезают, хотя лучше бы исчезли или замкнулись. Ужас.

Утром кто-то стучал в дверь:

– Миша, открой!

Я не открываю никому. Если не списывались и не договаривались. Но стучали в дверь квартиры. Сосед.

Я открыл.

– Миша, ты нас заливаешь.

– Вы же надо мной, – удивился я.

– Миша, это неважно. Я зайду посмотрю, как ты это делаешь?

– Ок, Петрович, заходи, – я развел руками. Я беспомощен перед логикой сфер.

Он просочился по квартире.

– Не ты, значит, – досада была слышна.

– Не я.

– Жаль. Теперь никого не осталось, а вода хлещет.

– Может, тебе налить?

– Есть?

– Есть.

– Наливай, – сосед махнул рукой и сел на кухне. – А у меня перемены в жизни, Миш.

– Неужели ваш завод закрыли?

– Что ты, мы расширяемся, и меня назначают директором.

– Ты же ремонтник вроде в бригаде. Или я что-то перепутал?

– Да ничего ты не перепутал, – поморщился Петрович.

– Ну так как же тогда случился такой карьерный зигзаг?

– Так ты же не даешь рассказать.

Я забыл закрыть дверь или Петрович не закрыл, это неважно, но перед нами стояла Людмила, жена Петровича, и орала:

– Вот ты где! Я там с тряпками бегаю, а он уже пристроился.

Она пыхтела, ибо была женщиной в теле.

Петрович молча встал и вышел. Людмила посмотрела на меня с укоризной. Я закрыл за ними дверь.

Прошло два дня. И вечером опять пришел Петрович.

– Миша, горю! В пятницу представление меня коллективу, и я должен выступить, рассказать видение развития, вдохновить и все такое. Помогай. Кроме тебя, некому.

– Налить? – спросил я.

– Разумеется, – ответил он.

– Ну давай, – говорю я, – завтра вечером тогда освобожу время, приходи, будем думать.

– Спасибо тебе огромное, до завтра тогда, – он махнул рюмку и убежал.

Я залез в Сеть, освежил, что к чему в той самой сфере, где сосед мой собирался царить. Ничего хорошего там не было. Было бы хорошо, кто бы его назначил, сообщил мне внутренний голос. Ну да, ответил я ему.

Потом я лег спать. Проснулся в три. Думал о смерти. Хорошо бы ядерной. Тогда всё мгновенно. А так, если отказ органов или даже какая-то авария, мучения будут длиться долго. Минуты или часы. Даже разрыв сердца – не мгновенная история. Эти мысли всегда помогали мне заснуть покрепче. Вот, кстати, умереть во сне вообще идеально. Спишь себе, и всё.

Утром всё по-другому. Ночные страхи кажутся нелепостью.

– Миша, – сказала она, – черт тебя задери, сколько же мы не виделись?

Я оглянулся: в проеме того маленького кафе, где утром я пью кофе, стояла Катя, моя начальница и в целом очень симпатичная баба. Она была в отпуске, потом я на удаленке.

– Вчера виделись, – сказал я. – Видеоконференция была.

– Это не считается. Всё, что на экране, это на экране, – Катя была весела, свежа и словоохотлива. – Нам поручили смену

менеджмента – ну, в том бывшем почтовом ящике, мы обсуждали уже.

– Что такое почтовый ящик? – спросил я.

– Забудь, – сказала Катя. – В общем, давай, займись подбором кадров, владельцы сказали денег не жалеть.

– Откуда у них деньги?

– Они богатые.

– Госконтракты, – понял я.

– Ты умный, – сказала Катя.

Она назвала сумму, я оторопел.

Катя объяснила, о каком менеджменте идет речь, и я понял, что судьба Петровича еще не решена: его просто выставили как жупел для других, для нас в том числе.

Я думал, сказать ли Кате про Петровича, и не сказал. Как потом выяснилось, зря.

Она пошла в офис, а я пошел домой. Вся голова была в презентации Петровича. Вернее, в поиске ему недостойных спаррингов.

Вечером пришел Петрович, я спросил его:

– У тебя диплом есть какой-нибудь?

– Да, – сказал Петрович. – Мореходка средняя.

– Так ты моряк?

– Скорее так, хотя я не плавал после учебы, а в мореходке на практике плавал – не понравилось. Комиссовался, но диплом дали.

– Понятно, – я лихорадочно соображал, а потом подумал: а чего я так переживаю-то? Страх ноль, задачи, чтобы прошел кто-то конкретный, нету. Решает всё равно владелец, мы делаем картинку.

Сели за написание речи для Петровича. Я писал, Петрович пил.

– Петрович, – спросил я, – что тебе сказал тот, кто предложил тебе это место?

– Он сказал: не ссы. Сказал: если я решил, что будешь директором, значит, будешь.

Я написал текст. Там было описано будущее и рассказан путь к нему. Я написал, что предприятие, его коллектив будет много и слаженно работать. Руководство и акционеры будут платить достойно. А рынок, который отвоевывает продукция завода, – расширяющийся. Ассортимент, которой предлагается производить, будет большой и стабильно увеличивающийся. В заключение я выразил надежду, что Петровича коллектив поддержит так же крепко, как его поддерживает собрание акционеров, несмотря на новизну объекта управления для Петровича, да и новизну управления вообще.

За время, пока я писал, Петрович надрался, звонил жене, она приходила, вводила его, потом возвращалась сама, за ней приходил Петрович, потом она снова вводила его, и вот теперь она опять сидела на кухне.

Когда я дописал и вышел на кухню, она сидела голая, и взгляд ее был пуст и блестящ.

– Миша, – сказала она. – Возьми меня.

Я развернулся и пошел в туалет. Там я закрылся. Меня вырвало, но не сильно. Я посидел в туалете полчаса, соображая, что мне делать. Потом осторожно вышел. В квартире никого не было.

Я закрыл дверь на все замки, хотя он был всего один, и сел на диван. Было тупо. Или остро? Всегда путал ощущения.

Моя начальница Катя одобрила все найденные мной кандидатуры. Весь набор с сопроводительным письмом отправили к заказчику.

Я позвонил ей.

– Екатерина Андреевна, – спросил я, – какая на самом деле стояла у нас задача?

– Что ты имеешь в виду?

– Дело в том, что я знаком с реальным кандидатом на должность, – я решил дальше не дуричь и слить информацию о Петровиче.

– Чего же ты молчал? – она была в ярости.

– Я думал, нам платят за невлезание в глубину.

– Я тоже так думала, а теперь не знаю.

– Может, у владельцев раскол? А мы тогда с кем?

– Мы со всеми. А с кем твой кандидат?

– Говорит, с самим прям владельцем-владельцем.

– С Кузьминым?

– Ну типа того.

– Ладно, они уже заплатили, а тебя придется уволить. Конфликт интересов. Закончится тема – возьмем обратно.

– Прикольнo, но они мне не платят.

– И мы не будем. Так устроена жизнь, Миша.

– Я мудака?

– Ну типа того.

– Понятно.

– Ладно, звони-пиши, не пропадай, я побежала дальше.

– Спасибо вам, Екатерина Андреевна, – это я уже говорил в пространство сетей, ибо она отключилась.

Заебись я поработал, – подумал я. Хотя главным мне сейчас казалось не попасться пьяной Людмиле на глаза. Не хочется быть трахнутым не только в переносном, но и в прямом смысле.

Вечером пришел Петрович. С бутылкой.

– Назначили?

– Назначили.

– Людка не явится?

– Не явится.

– Тогда заходи.

Он зашел, а я дверь на всякий случай закрыл.

– Наливай, – сказал я.

– За тебя, Миша, – сказал Петрович. Но теперь не Петрович, а генеральный. Так теперь я буду его звать.

Я спал, и мне снилось, как я умер и Петрович с Катей пьют у меня в квартире и рассказывают, какой я был молодец, лишь немного не справился. Совсем чуток. Так бывает. Я спал и смеялся. Смеялся я. Смеялась Людмила. Смеялся Петрович. Смеялась Екатерина Андреевна. Смеялись акционеры. Смеялся коллектив. Такой вот смешной случай.